

С.А. Есиков, В.Н. Шмарин

**ДИНАМИКА ЧАСТНОГО
КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

◆ Издательство ТГТУ ◆

ББК ТЗ(2)53
Е83

Р е ц е н з е н т

Доктор исторических наук, профессор ТГТУ
А.А. Слезин

Есиков С.А., Шмарин В.Н.

Е8 Динамика частного крестьянского землевладения в
3 Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX веков /
С.А. Есиков, В.Н. Шмарин. Тамбов: Изд-во Тамб. гос.
техн. ун-та, 2005. 20 с.

В издании рассматривается проблема формирования частного крестьянского землевладения; ее социально-экономический и правовой аспекты.

Для студентов, изучающих историю отечественного государства и права и спецкурсы «История российского крестьянства» и «История Тамбовского края».

ББК ТЗ(2)53

© Есиков С.А., Шмарин В.Н.,
2005

Тамбовский государствен-
ный
© технический университет
(ТГТУ), 2005

Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный технический университет»

С.А. ЕСИКОВ, В.Н. ШМАРИН

**ДИНАМИКА ЧАСТНОГО
КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Тамбов
Издательство ТГТУ
2005

Научное издание

ЕСИКОВ Сергей Альбертович
ШМАРИН Вадим Николаевич

**ДИНАМИКА ЧАСТНОГО
КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Редактор Т.М. Федченко

Инженер по компьютерному макетированию И.В. Евсева

Подписано к печати 11.11.2005.

Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Объем: 1,16 усл. печ. л.; 1,19 уч.-изд. л.

Тираж 200 экз. С. 762^М

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

Длительное сохранение крепостнических поземельных отношений все больше приходило в противоречие с потребностями общественного развития. В рамках крестьянской реформы правительством не ставилась задача унифицировать аграрный строй в стране. В итоге в пореформенное время вплоть до октябрьской революции аграрный строй сохранял всю пестроту местного колорита и норм обычного права в сфере поземельных отношений. Это обстоятельство затрудняло реформирование и регулирование аграрных отношений.

Основная направленность крестьянской реформы состояла в определении предельных норм наделения крестьян землей, а не в установлении личных прав на землю каждого освобожденного крестьянина. Существовавшие три важнейшие формы крестьянского землевладения – общинная, подворная и участковая (индивидуальная) – не имели четко определенного статуса.

Собственно земельного законодательства в пореформенной России вплоть до аграрной реформы Столыпина не существовало, земельные отношения регулировались нормами гражданского права. На правах частных собственников владели своими землями и распоряжались ими все сословия кроме крестьянского. В некоторых случаях право собственности могло быть ограничено сервитутами. Купля-продажа земли совершалась как и прежде, посредством оформления купчих крепостей, составление которых подробнейшим образом регламентировалось законом. Новшество состояло в том, что по положению о нотариальной части 14 апреля 1866 г. все сделки по купле-продаже земли должны были регистрироваться нотариусом, который вел крепостные книги и реестр крепостных дел. С 1894 г. реестр крепостных дел велся не по собственникам, как это было раньше, а по недвижимостям¹.

Исключение составляло крестьянство. Речь идет о так называемом крестьянском праве на землю, принципиально отличавшемся от права собственности на землю всех других сословий.

Последовавшие за положением 19 февраля 1861 г. законы от 26 июля 1863 г. и 24 ноября 1866 г. приравнивали статус удельных, государственных и помещичьих крестьян, тем самым объединив их в сословие крестьян с единой юрисдикцией². Правовые отношения людей, принадлежавших к крестьянскому сословию, отнюдь не регулировались нормами всеобщего гражданского права, а основаны были, как правило, на местном обычном праве.

Законодатель исходил из господствовавшего тогда мнения, что крестьянская собственность на землю принципиально отличалась от собственности на землю других сословий. Эта собственность рассматривалась законодателем как некий совершенно особый род недвижимого имущества. Согласно такому пониманию земля, предоставленная крестьянам, являлась имуществом, которое давалось им для обеспечения своего существования. Такое обеспечение рассматривалось как государственный интерес. Следовательно, предоставленная крестьянам земля являлась имуществом, которое служило для защиты государственного интереса. Поэтому земля, предоставленная крестьянам, являлась своего рода имуществом с определенной и органической целью. Если же это имущество существовало для обеспечения государственных интересов, то последние должны были находиться под защитой особых юридических постановлений, в которые входил запрет любого действия, направленного на уменьшение этого имущества. Отсюда вытекал запрет продажи такой земли лицам, не принадлежавшим к крестьянскому сословию, а также деления участков и крестьянских дворов или закладных операций с землей.

В последующие годы был обнародован целый ряд важных законов и постановлений, воплощавших в жизнь названные представления и развивавших особый сословный крестьянский порядок. Среди этих актов назовем следующие: закон от 18 марта 1886 г., ставивший препятствия делению подворного имущества среди членов двора. (Бесполезность этого закона признавалась большинством представителей местных властей и общественных деятелей. Так, Тамбовское губернское совещание по пересмотру законодательства о крестьянах сообщало в МВД, что указанным законом «цель не достигнута, ибо всякий закон, идущий в разрез с требованиями жизни, всегда будет так или иначе обходим»³); закон от 8 июня 1893 г. относительно перераспределения земли внутри мира, который устанавливал, что всеобщее перераспределение должно происходить не реже, чем через каждые 12 лет; закон от 14 декабря 1893 г., который значительно усложнял всякую продажу наделов, даже если она проводилась через общины, а также делал почти невозможным выход из общины. Согласно этому закону и после полной выплаты выкупной ссуды оставалось в силе ограничение права крестьян распоряжаться своей землей⁴. Такой порядок просуществовал вплоть до начала XX в. Начало изменений в крестьянском праве следует отнести к указу от 12 марта 1903 г., отменившего круговую поруку, и последовавшими позднее столыпинскими указами. Результаты действий правительства носили во многом противоречивый характер. С одной сто-

роны, была резко ограничена деятельность земельных спекулянтов, с другой – ограничивался еще один источник формирования частного землевладения, в том числе и крестьянского.

Однако задолго до столыпинских аграрных преобразований в структуре российского землевладения существовали определенные правовые нормы, позволявшие крестьянам частично реализовывать некоторые принципы частной собственности на землю. Это выражалось в существовании так называемого подворного землевладения.

Местными положениями (в том числе и губернскими) права домохозяина на земельный участок, находившийся в его пользовании, определялись термином «потомственное пользование», а не словом «собственность». Тем самым закон признавал право домохозяина на данный конкретный участок не совпадающим с тем правом собственности, которое закон предоставлял домохозяйству в целом. Собственность домохозяйства определялась в идеальной доле общей «мирской» собственности без указания месторасположения и границ участка⁵.

Как видим подворное землевладение являлось все же владением коллективным, а не индивидуальным – в нем устанавливался режим общей собственности подворных владельцев, оно являлось объектом прав не индивидуального домохозяина, а всех членов его семьи. В результате, по действовавшему законодательству, общинное землевладение от подворного существенным образом не отличалось. Различные угодья (например выгоны) при проведении размежевания в одних местностях оставались в общинном или подворном владении, в других – включались в наделные земли, при этом общинное землевладение сочеталось с подворным. В центральной России существовали и другие многочисленные градации. Подчеркнем, что неразмежеванность земли порождала многочисленные, затягивавшиеся на десятилетия, дорогостоящие, а в некоторых случаях разорительные, судебные процессы.

Все-таки такой вид поземельной собственности, как подворное землевладение в силу исторических и экономических причин не мог быть распространен более широко, чем общинное землевладение. Существование этого явления в социально-экономической жизни деревни было важно как попытка альтернативного, внеобщинного хозяйствования, построенного на праве подворно-наследственного владения землей.

Центральной проблемой частнособственнических правовых отношений была расплывчатая и неопределенная трактовка собственности и владения. Важность четкого определения данных категорий гражданского права объяснялась взаимозависимой смысловой нагрузкой. Основное затруднение при характеристике субъектов частноправных отношений вызывало синонимичность употребления терминов «собственность» и «владение», что само по себе являлось отражением путаницы в науке, законодательстве и в самой практике. На рубеже веков в законодательстве России землевладение признавалось таким же полновесным правом, как право собственности, что существенно искажало истинный смысл этих понятий.

Взаимное дополнение, а иногда и подмена частнособственнических отношений владельческими правами в той или иной степени отражалось на положении землевладельцев всех сословий. А дискриминационный характер крестьянского права на землю был одним из элементов правовой системы, обеспечивавшим существование сложившегося общественно-политического строя.

Ограничение возможности совершения сделок с землей вне общины и реальность совершения их внутри нее целиком укладывались в рамки существовавшего в России сословного строя, когда правовой статус землевладельца непосредственно отражался на самом характере землевладения. Ограниченность сословных прав крестьян ущемляла их право владеть и распоряжаться землей. Тем самым вольно или невольно законодатель в лице органов власти фактически установил причинную связь между правом пользования и владения землей и обработкой этой земли трудом субъекта этого права. В результате к началу XX в. государственные нормативные акты, не отменявшие действовавшие нормы обычного права, фактически закрепляли идею народного правосознания о трудовом пользовании землей.

Рассмотрим, как же обстояли дела в Тамбовской губернии, тем более, что с 70-х гг. XIX в. в крестьянском землевладении, включая и наделное, наблюдались значительные подвижки. Это выражалось в уступке и отчуждении наделных земель преимущественно односельцам (так назывались односельчане) – в селах, владевших землей на общинных началах, и односельцам и сторонним лицам в селах, владевших землей на четвертном праве. Сделки по уступке земли скреплялись многочисленными документами, выработанными сельской практикой. Со временем эти документы по приобретению наделной земли в глазах крестьян приняли известную силу.

Изучение договоров о приобретении наделной земли в губернии⁶ показало, что при общинном владении там, где не проводились переделы или они были крайне редки, уступки касались как усадеб-

ной, так и надельной (полевой) земли. Договоры заключались в письменной форме и свидетельствовались в волостных правлениях, или же носили домашний характер и скреплялись приложением печати сельских старост и подписями присутствовавших при договоре свидетелей. Хотя надельные земли при общинном пользовании не могли быть отчуждены путем продажи, жизнь вырабатывала свои приемы в обход закона.

При подворно-четвертном владении⁷ переход земли от одного владельца к другому был весьма распространен. Сделки по уступке земли четвертного права получили наименование «уступочных условий», «уступных» и «купчих». Все они, как правило, заносились в книгу договоров волостных правлений, хотя встречались и сделки домашнего характера.

Переходы четвертных земель не всегда оформлялись в письменной форме. Распространено было владение кредитором землей должника по исполнительному листу судебных учреждений. Встречались владения по залоговым письмам – продавец, получив за землю деньги, выдавал покупателю заемное письмо с неустойчивой записью. Покупатель, имея данное письмо, считал себя защищенным от всяких случайностей и вступал в фактическое владение приобретенной землей, которое получило в народе название владение «по векселю». Полученное при покупке земли долговое обязательство не обеспечивало не только владения приобретенной землей, но и уплаченных за нее денег, так как при неотчуждаемости надельной землей за частные долги и при отсутствии, что нередко бывало, имущества, на которое могло бы быть обращено взыскание, подобное обязательство не имело никакой ценности. Чаще всего такие сделки заключались владельцами четвертной земли, уходившими на переселение. Несмотря на большой риск названных сделок, они довольно широко практиковались в силу больших расходов при совершении крепостных актов.

Рост продаж подворных участков был следствием и отражением двух тенденций, наметившихся и развившихся в крестьянских подворных обществах после реформы 1861 г. Первая заключалась в увеличении чересполосности и уменьшении размера среднего участка. При наиболее равномерном распределении земельных угодий измельчение участков происходило более или менее синхронно у большинства членов общества. Логичным завершением такого процесса являлся переход крестьян от подворной к общинной форме землевладения, при которой общиннику какое-то время гарантировалось сносное существование. Одновременно принцип общего уравнивания тормозил качественное развитие отдельных хозяйств, а также не способствовал проявлению индивидуальной хозяйственной инициативы. Вторая тенденция заключалась в периодическом увеличении количества безземельных крестьян при одновременном повышении размера среднего участка. Иными словами, происходило обогащение части землевладельцев за счет своих же односельчан. В результате возникала перспектива уничтожения общества и образования из земельного фонда последнего определенного количества обширных изменений. Как первый, так и второй варианты не были универсальными для всех членов общества. В первом варианте проблема решалась по принципу уравнительности, во втором – за счет разорения беднейших.

По всей видимости мелкое подворное землевладение было изначально поставлено в невыгодное по сравнению с общинным положение, так как каждый крестьянин, получивший в личную наследственную собственность известное число чересполосных десятин, приобретал лишь право отчуждения этой земли по своему усмотрению, но почти ничего не выигрывал в методах ее эксплуатации и хозяйствования на ней. Именно это обстоятельство являлось основной причиной, по которой подворно-участковое землевладение постепенно утрачивало свои позиции в общей структуре крестьянского землевладения.

Встречались владения по залогоу земли. Условные основания владения признавались не только волостным судом, но и более высокими инстанциями – уездным съездом и губернским присутствием.

Раскинутость земельных наделов и чересполосность были причиной распространения обмена земель, входивших в состав надела, с целью уменьшения чересполосности и округления земель. Сделки по обмену земель также могли носить домашний характер или быть засвидетельствованы в волостном правлении.

Как видно, крестьянство в отношении прав на землю было практически поставлено вне закона. Масса подворных собственников владела землей, не имея никаких законных документов, удостоверяющих права их владения. Однако жизнь заставляла крестьян искать пути обхода законов. Поэтому существовавшая практика довольно значительно расходилась с действовавшими правовыми нормами.

Положение 19 февраля 1861 г. позволило помещикам уменьшить площадь крестьянских надельных земель в Тамбовской губернии на 13,1 %⁸. При этом нормы наделов в губернии были ниже, чем в других регионах. По закону 24 ноября 1866 г. бывшие государственные крестьяне получили в общинную собственность практически все свои надельные земли, оказавшись в лучших условиях. Размер их наде-

лов был вдвое большим, чем у бывших частновладельческих крестьян. Такое различие сохранялось на протяжении длительного периода. Сравнение данных 1877 и 1905 гг. показывает, что средняя величина надела у бывших помещичьих крестьян в первом случае 6,6 и 5,0 дес. – во втором; у бывших государственных крестьян – соответственно 13,8 и 9,4 дес.⁹

С ростом населения все более усиливалось крестьянское малоземелье. Об этом свидетельствуют приведенные выше, хотя и средние для хозяйств всех категорий, но все же выразительные сведения об изменении площади наделной земли, приходившейся на крестьянский двор в 1877 и 1905 гг.

Сказанное вовсе не означает, что все оставалось неизменным. Как правило, не без оснований указывают на большее в сравнении с бывшими помещичьими земельное обеспечение бывших государственных крестьян, но и их земельный «простор» нельзя преувеличивать. Так, в Темниковском уезде государственные крестьяне деревни Плуксово, насчитывавшей 374 души, получили в 1868 г. пашни 690 дес., т.е. менее 2 дес. на душу, но, кроме того, 1468 дес. леса и кустарника. В том же 1868 г. они получили на всю эту площадь владенную запись. Однако, спустя шесть лет, в 1874 г., из указанных 1468 дес. было отрезано в казну 809 дес. К 1887 г. в деревне насчитывалось уже 470 душ. Крестьяне обращались с ходатайством о возврате 809 дес. кустарника, чтобы разделить его под пашню. Губернатор ответил Земскому отделу, что крестьянам, по закону, отведен лесной надел по 1 дес. на душу – 374 десятины, а остальные 809 дес. ограничены лесному ведомству¹⁰.

Многочисленные ведомственные обследования уже с начала 70-х гг. констатировали все более ухудшавшееся положение крестьян, в первую очередь тех, кто задыхался от малоземелья. Имея достаточно земли, мужик-пахарь мог прокормить не только себя, но и свою семью. Однако, к концу XIX века крестьянин Центрального Черноземья уже не имел в своем распоряжении столько земли, сколько мог возделывать.

Для всего пореформенного времени был характерен быстрый рост крестьянского населения, который обострил проблему землеобеспеченности. Несмотря на различные запреты, быстро увеличивалось число крестьянских дворов. Так, в Козловском уезде по данным 1877 г. насчитывалось 33 238 дворов, а в 1905 г. – 48 752; в Тамбовском уезде – соответственно 37 510 и 59 429; в Борисоглебском уезде – 30 574 и 44 883; в Моршанском – 29 161 и 38 962; в Липецком – 16 084 и 25 737¹¹ и т.д. Всего же в Тамбовской губернии в период с 1877 по 1905 гг. число крестьянских дворов выросло в 1,5 раза с 281 055 до 405 953¹².

При очень значительном увеличении числа дворов наблюдалось крайне слабое расширение наделной площади. Общая тенденция состояла в неуклонном уменьшении среднего надела на двор у всех категорий крестьянства.

Центрально Черноземный регион, как правило, характеризуют в литературе как оплот дворянского землевладения. Однако он (регион) не отличался от других большей долей помещичьего землевладения в общей его площади. Здесь выступали в качестве определяющего фактора не столько соотношение площадей, сколько целый ряд сложившихся условий, главным из которых было малоземелье. По этому поводу, на основе своих расчетов, И.Д. Ковальченко писал: «По площади дворянских земель он (т.е. регион) занимал и в конце XIX, и в начале XX вв. третье, а по земельной стоимости первое место среди всех районов. Именно первенство в стоимости принадлежавшей дворянам земли и определило его роль как бастиона дворянского землевладения»¹³. Это означало, что экономический базис земельных цен был наивысшим именно здесь, в таких условиях осуществлялась купля-продажа земли.

Некоторая часть крестьян наряду с наделной землей, полными собственниками которой они становились при условии ее полного выкупа (обязательный выкуп объявлялся с 1 января 1883 г.), имела в собственности участки частной земли. Массовая же покупка земли крестьянами началась после отмены крепостного права и особенно с 80-х гг. XIX в. О том, как складывалась ситуация с частным крестьянским землевладением в губернии в конце 80-х гг. свидетельствуют данные таблицы 1.

Крестьянские частные владения присутствовали повсеместно. Однако их доля в составе частной земельной собственности колебалась от 4,2 % в Спасском до 10,6 % в Шацком уездах. В Тамбовском, Шацком, Кирсановском уездах общая площадь частной крестьянской земли была самой высокой (свыше 20 тыс. дес.), в Спасском и Лебедянском – наиболее низкой (до 5 тыс. дес.). По количеству крестьянских частных владений лидировал Елатомский уезд (1214), но их средний размер был самым мелким – 15,4 дес. В то же время в Моршанском уезде было всего 129 владений, а их средняя площадь составляла 92,8 дес.

Уезды	Площадь крестьянских частных владений, дес.	Процент от всей площади частных владений	Количество крестьянских частных владений	Средний размер крестьянских частных владений, дес.
Борисоглебский	10 231	6,1	291	35,2
Елатомский	18 635	10,4	1214	35,4
Кирсановский	20 975	6,8	591	35,5
Козловский	17 054	8,6	428	39,9
Лебедянский	5392	8,7	256	21,1
Липецкий	3004	5,3	85	35,3
Моршанский	11 972	4,8	129	92,8
Тамбовский	12 764	7	489	51,6
Темниковский	25 342	7,6	435	29,3
Спасский	2069	4,2	73	28,3
Усманский	9213	8,6	152	60,6
Шацкий	24 173	10,6	828	29,2

В последующие годы продолжался неуклонный рост крестьянского землевладения, причем темпы этого роста были чрезвычайно высокими. Так, в период с 1892 по 1897 гг. крестьянское землевладение в Тамбовской губернии увеличивалось в среднем на 2 % в год; в 1898 г. – уже на 4,3 %; в 1899 г. – на 4,5 %; в 1902 г. – на 7,8 %. Одновременно росли темпы и площадь частного крестьянского землевладения: в 1892 г. крестьянами было приобретено 13,1 тыс. дес. земли и общая площадь их частного землевладения составила 175,7 тыс. дес.; в 1897 г. эти цифры составили соответственно 15,6 тыс. и 191,3 тыс.; в 1899 г. – 26,4 тыс. и 227,2 тыс.; в 1902 г. – 38,8 тыс. и 342,5 тыс.¹⁵

В начале XX в. площадь и стоимость крестьянских покупок земли еще более возросли и в 1901 – 1902 гг. превысили дворянские покупки на 68 % по площади и на 73 % по стоимости. Так, в 1901 г. крестьяне купили 1 424 213 дес., дворяне – 981 854 дес., в 1902 г. – соответственно 1 287 034 и 767 156 дес.¹⁶ В последующие годы покупки сократились, однако крестьянские приобретения по-прежнему превышали дворянские: в 1903 г. крестьяне купили 130 646 дес., а дворяне – 78 846; в 1904 г. соответственно 146 221 и 81 640 дес.¹⁷ К этому времени к крестьянам путем покупок перешло 61,9 % всех пахотных угодий¹⁸.

Кто же выступал в качестве покупателя земли? Рассмотрим данные таблицы 2.

Таблица 2¹⁹

Сделки с землей 1897 – 1905 гг.	Количество купленной земли, дес.	Стоимость земли, р.	Количество проданной земли, дес.	Стоимость земли, р.
Лично	61 314	30 586 373	32 138	3 493 432
Товариществами	96 015	24 260 670	10 397	6 138 953
Обществами	41 778	3 511	1551	50

Практика показывала, что это могли быть целые общества, товарищества крестьян, а также отдельные домохозяева. Первые две категории отличались как по площади земли, так и по размеру купчей земли на двор. По данным 1905 г. 543-м товариществам крестьян принадлежало 96 348 дес. и 310-ти сельским обществам – 82 960 десятин²⁰.

Крестьяне, купившие землю в товариществе или обществе, получали ее в соответствии с внесенной суммой и могли распоряжаться землей по своему усмотрению. Но это не была в полной мере свобода собственности, так как все сделки утверждались приговорами товарищества или сельским сходом. Случалось, что и купчую землю сход пускал в общий передел. Эти участки были неравномерными, но колебания размеров были меньше, чем у частных личных покупателей

Факты покупки земли товариществами имелись во всех уездах, наиболее высокий процент приходился на Кирсановский и Лебедянский уезды – 3,1 % от всей земельной площади. Во всех уездах за исключением, пожалуй, Лебедянского сельские общества имели земельную собственность, получившую наибольшее распространение в северных уездах: Шацком (3,2 % общей площади), Темниковском (2,8 %), Моршанском (2; %), Елатомском (2,2 %) ²¹.

Самыми крупными покупателями земли в расчете на один двор были отдельные домохозяйства. Собственники купчих земель представляли собой наиболее зажиточный слой. Их было численно немного: в 1905 г. на 7455 владений приходилось 214,3 тысячи купчей крестьянской земли²² или 28,7 дес. на двор. Это в 4 раза превышало обеспеченность среднего крестьянского двора. Зажиточные домохозяева принимали активное участие в купле-продаже земли. Об этом свидетельствуют например данные за 1896 г.²³:

Группы по посеву, дес.	Куплено земли, дес.	Продано земли, дес.
От 25 до 50	33 079	19 052
От 50 до 100	34 881	21 315
От 100 до 250	67 380	31 772
От 250 до 500	46 576	19 861
От 500 до 1000	49 079	27 290
От 1000 до 3000	38 903	13 362

Как видим, у всех крупнопосевщиков купля земли намного превосходила ее продажу. Кроме того, анализ крестьянских единоличных покупок земли за 1879 – 1904 гг. показал, что на долю мелких и средних покупок приходилось 17,5 % всей площади купленной земли, в то время как львиная доля – 82,5% – на крупные покупки²⁴ (в то время мелкими считались покупки до 100 дес., средними – до 500 дес., крупными – свыше 500 дес.).

Некоторые исследователи российской деревни предлагали крестьян с участками земли свыше 50 дес. «исключить» из числа крестьян вместе с их землей, уменьшив тем самым фонд крестьянской личной частной земли. Однако владельцы этой земли принадлежали к крестьянскому сословию и нередко вели крестьянский образ жизни: работали от зари до зари вместе с членами своих семей, участвовали в мирских собраниях и других мероприятиях общества, одевались «по-мужицки» и т.д.

Подобное предложение имело целью приуменьшить размеры роста капиталистических или крупнокапиталистических хозяйств из крестьянских мелких хозяйств. Такую точку зрения отстаивал А.М. Анфимов, считавший, что в России до 1917 г. господствовали полукрепостнические отношения²⁵. Мы разделяем позицию В.Г. Тюкавкина, который считал, что такое исключение искажает изучение процесса капитализации деревни, перехода ее на рыночные отношения²⁶.

Исследование размеров земельного обеспечения крестьянства помогает пониманию уровня капитализации деревни, что не может быть связано с исключением отдельных социальных групп из крестьянства. Правильнее выделить более зажиточные дворы в отдельную (или отдельные) социальную группу. Появление в крестьянской среде таких крупных зажиточных хозяйств и составляло самую суть процесса капитализации.

В пореформенное время наблюдался неуклонный рост цен на землю, особенно резкий скачок произошёл в конце 90-х гг. XIX в. Председатель Тамбовской уездной земской управы С.М. Шмырев отмечал (1904 г.): «... за последние годы крестьянские общества и товарищества много земли приобрели у владельцев через Крестьянский банк, вследствие чего цены на землю возросли и теперь в уезде одну десятину земли нельзя купить меньше чем за 170 рублей, тогда как всего лишь 5 лет назад высокой считалась цена до 100 рублей за одну десятину»²⁷.

Динамика цен на землю в губернии может быть представлена следующим образом (в рублях за 1 десятину): 1890 – 1897 гг. – в среднем 63,8; 1898 г. – 87,4; 1899 г. – 97,1; 1900 г. – 93,6; 1901 г. – 130,1; 1902 г. – 137,6; 1903 г. – 148,5; 1904 г. – 170,6; 1905 г. – 132,2²⁸. Конечно, цена зависела от места расположения участка, его качества и т.д. Например, в черноземной полосе губернии в 1890 – 1895 гг. десятина в среднем стоила 62,5 р., тогда как в нечерноземных уездах – вдвое меньше (29,6 р.)²⁹.

Причина такого явления состояла в возросшем спросе на землю. А многие землевладельцы, в подавляющем большинстве помещики, не желали продавать имения, имевшие большие долги, так как доход от земли часто не покрывал расходов. Другая же их часть предпочитала вкладывать свободный капитал в ценные бумаги, а не в землю³⁰.

Большинство сделок по покупке земли крестьянами совершалось при посредстве Тамбовского отделения Крестьянского поземельного банка, открывшего свои операции на территории губернии с января 1884 г. Первые годы деятельности отделения выявили существенные преимущества покупки крестьянами земли при посредничестве банка. Однако совет банка с особой осторожностью относился к разрешению ссуды, и далеко не все желавшие могли ее получить. Наибольшее распространение имели покупки земли в составе сельских обществ, а затем – товариществ, так как в устав Крестьянского банка были введены ограничения, затруднявшие покупку земли при его посредстве зажиточными крестьянами-домохозяевами.

С 1888 г. наблюдалось некоторое сокращение деятельности Тамбовского отделения как результат начала функционирования в губернии Дворянского земельного банка, так и накопления недоимок по платежам заемщиков. Причинами накопления недоимок были неурожай, падение хлебных цен, бедность заемщиков, внутренние разногласия в среде сельских обществ и товариществ. В отсрочке платежей в большей степени нуждались сельские общества, несколько в меньшей – товарищества и менее всего – отдельные домохозяева. Ситуация еще более осложнилась в связи с последствиями неурожая 1891 г. В итоге банк столкнулся с новым, совсем непредвиденным при его учреждении обстоятельством – необходимостью самому вести хозяйство на земле, перешедшей в его собственность. Начальный период деятельности Тамбовского отделения Крестьянского банка показал, что условия ипотечного кредита для многих заемщиков были обременительны. Рост недоимок привел к тому, что 27 % заложенной земли поступило в собственность банка³¹.

Негативный опыт первого периода деятельности банка был учтен при разработке его нового устава в 1895 г. Теперь банк получил право действовать различными способами: выдавать ссуды на покупку земли, предоставлять ссуды под земли, уже купленные крестьянами и покупать земли за свой собственный счет для перепродажи крестьянам. Заметно усиливалась контролирующая функция банка. Тем не менее, выдача ссуд под залог земель, купленных без содействия банка, получила слабое развитие. Случаи покупки имений за счет собственного капитала банка также были немногочисленны в Тамбовской губернии. Главными основаниями для отклонения покупки были: плохое качество угодий, непригодность их для крестьянского хозяйства, задолженность имений, значительно превышавшая их стоимость. Гораздо большее развитие получила операция банка по выдаче ссуды на покупку земли. Это объясняется как усилением спроса со стороны крестьян на кредит, так и постепенным увеличением отделением банка количества выдававшихся ссуд. В отличие от первого периода деятельности банка, преобладающими стали покупки в составе товариществ. Товарищества, состоявшие из более состоятельных крестьян, были платежеспособнее обществ и приобретали большее количество земли в расчете на одного домохозяина.

Если с 1884 по 1895 гг. через банк в Тамбовской губернии было приобретено 69 807 дес.³², то в 1896 – 1900 гг. – 88 463 дес.³³ В 1897 г. крестьянами было куплено земли на общую сумму 4 206 752 р., в 1898 г. – на 5 194 151 р., в 1899 г. – на 8 756 328 р., в 1900 г. – на 5 605 391 р., в 1901 г. – на 1 907 610 р., в 1902 г. – на 6 141 190 р., в 1903 г. – на 7 852 736 р., в 1904 г. – на 6 385 123 р., в 1905 г. – 4 812 068 р.³⁴ В итоге площадь крестьянского частного землевладения в губернии в 1903 г. составила 332,4 тыс. дес., в 1904 г. – 352,3 тыс. дес.³⁵

Как видим, с середины 90-х гг. проявилась отчетливая тенденция к росту крестьянских земельных приобретений через отделение Крестьянского банка. К тому же довольно значительным было увеличение выданных банком ссуд. Уже к 1903 г. Тамбовская губерния вошла в десятку территорий страны, где свыше 4000 домохозяев приобрели землю при посредничестве Крестьянского банка.

Одновременно происходило увеличение покупной цены земли. Между тем, отделение банка стремилось как можно меньше прибегать к крайним мерам – продаже имений неисправных заемщиков с торгов. К числу недостатков в деятельности Тамбовского отделения банка следует отнести слабый контроль над служащими, осуществлявшими хозяйственное заведование в имениях банка. Тем не менее, банковские земли никогда не пустовали, предпочтение отдавалось краткосрочной аренде.

Ошибки первого периода деятельности банка были учтены. В период с 1896 по 1905 гг. не только увеличилось количество производимых банком операций, но и произошло существенное расширение площади крестьянского землевладения в губернии. Без помощи Крестьянского банка крестьяне конечно не могли бы купить такое количество земли. Помощь государства через банк была значительна и сыграла основную роль. С другой стороны, банк помог и помещикам. Он скупал земли помещиков крупными участками, целыми имениями, на что у крестьян денег не было. Вместе с тем, банк способствовал росту земельных цен, так как увеличил спрос на землю.

Итак, крестьянское землевладение, по данным 1905 г., в Тамбовской губернии характеризовалось следующими показателями: наделная земля составляла 2 848 238 дес., в собственности отдельных домохозяев находилось 214 283 дес., крестьянским товариществам принадлежало 96 348 дес., сельские общества имели 82 950 дес. купчей земли. В целом крестьяне имели 3 241 819 десятин (в 1877 г. – 279 110 дес.). Дворянское землевладение за 1877 – 1905 гг. сократилось почти на 480 тыс. дес. и составило 1 114 014 дес.³⁶

По данным многочисленных статистических обследований, проводившихся в 1865 – 1905 гг., основной результат движения частной земельной собственности состоял в относительном уменьшении дворянского землевладения и увеличении земельной доли прочих сословий. Наиболее стабильной являлась относительная динамика крестьянского землевладения.

Самым интенсивным в смысле увеличения процентной доли крестьянского сословия в частном землевладении был период с 1887 по 1905 гг. Одной из основных причин такого роста являлось относительное увеличение в структуре крестьянского землевладения доли земель обществ и товариществ.

Уездам с наиболее интенсивным ростом крестьянского землевладения были присущи следующие особенности: принадлежность уездов к «северной группе» (4 уезда северной части губернии: Лебедянский, Темниковский, Спасский, Елатомский); высокий процент дворянского землевладения в начале исследуемого периода; наименьшая доля дворянского землевладения в начале XX в.; преобладание в структуре частного крестьянского землевладения коллективной собственности обществ и товариществ; низкая общесословная величина среднего участка владения; высокие показатели крупной крестьянской собственности в общей площади землевладения сословий.

Анализ материала свидетельствует о том, что с середины 1880-х гг. преимущественно в северных уездах Тамбовской губернии, где преобладало дворянское землевладение, началась активная скупка крупных дворянских имений крестьянскими обществами и товариществами. Одновременно с этим процессом происходило укрупнение личной крестьянской собственности в уездах со средними и низкими показателями среднего участка владения. Здесь крестьяне активно конкурировали с представителями купеческого и мещанского сословий, что естественным образом стимулировало общесословную мобилизацию землевладения.

Одной из важнейших проблем в стране было, как известно, ухудшение экономического положения крестьянства. Истоки этого процесса лежали как в самом характере реформы 1861 г., так и в последовавших актах ее реализации. Разработчики реформы определили такие нормы надела, которые в перспективе не позволяли большинству крестьян расширять и улучшать свое хозяйство. Начиная с 1880-х гг. все отчетливее обнаруживалось крестьянское малоземелье, обострившееся в связи с демографическим ростом сельского населения. В результате земельный надел не обеспечивал прожиточного минимума для многих крестьянских дворов.

Кроме экономических факторов, подъем крестьянских хозяйств был невозможен также из-за правовых условий, сковывавших предприимчивость крестьян. Понятия обычного права о собственности, вознаграждении за труд и т.п. противоречили нормам гражданского права. Навязанные общине фискальные функции нередко подрывали платежеспособность крестьянского хозяйства. Как видим, суть крестьянской проблемы носила не только экономический, но и правовой характер.

Прогрессу крестьянского сельского хозяйства мешал своеобразный правовой статус крестьянства. Налицо было стремление трактовать крестьянское право как отдельную правовую систему. Издававшиеся акты свидетельствовали о глубоко ошибочном убеждении правящих кругов в том, что различные сословия одного государства могут сосуществовать на разных правовых уровнях. Жизнь развивалась по своим законам, отвечавшим требованиям времени. Частное крестьянское землевладение, несмотря на официальные запреты, развивалось.

Примечания

- 1 См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1997. С. 145 – 147; Владимирский – Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 557 – 560.
- 2 См.: Свод законов Российской империи. Прил. к Т. IX.
- 3 Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881 – 1904. М., 1980. С. 27.
- 4 См.: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762 – 1914. М., 1995. С. 219.
- 5 См.: Леонтьев А.А. Крестьянское право. СПб., 1914. С. 263.
- 6 Подробнее об этом см.: Есиков С.А., Косов Р.В. Динамика частной земельной собственности во второй половине XIX в.: правовое регулирование и историческая реальность (по материалам Тамбовской губернии) // Социально-демографическая история России XIX вв. Современные методы исследования. Материалы научной конференции. Тамбов, 1999. С. 109 – 111.
- 7 Традиционно участковое землевладение, вследствие прежнего исчисления земельных угодий в четвертях, называлось, в отличие от общинного (мирского) владения и от личной земельной собственности, не подлежавшей государственной оброчной подати, владением четвертным. Сами же крестьяне к моменту проведения реформы 1861 г. давно считали свою землю десятинами и поэтому существовавшую у них форму землевладения правильнее называть участковой или подворно-наследственной.
- 8 См.: Тарасюк Д.М. Поземельная собственность пореформенной России: источниковедческое исследование по переписи 1877 – 1878 гг. М., 1981. С. 128.
- 9 Статистика землевладения. Вып. 20. Тамбовская губерния. СПб., 1906. С. 29; Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.). Тамбов, 1998. С. 12–13.
- 10 См.: Анфимов А.М. Указ. соч. С. 51–52.
- 11 Статистика Российской империи. Главные данные поземельной статистики. Тамбовская губерния. Вып. 19. СПб., 1905. С. 17.
- 12 Там же. С. 20.
- 13 Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 253.
- 14 Статистика землевладения по Тамбовской губернии. СПб., 1906. С. 264 – 265, 268.
- 15 Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. V. СПб., 1901. С. 37; То же. Вып. XII. СПб., 1905. С. 40, 42.
- 16 Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. 12. СПб., 1905. С. 183, 210, 212.
- 17 Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII. СПб., 1905. С. 50.
- 18 Сельскохозяйственные и статистические сведения ... С. 212.
- 19 Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 21. Тамбов, 1898. С. 120; Там же. Т. 23. Тамбов, 1900. С. 101; Там же. Т. 15. Тамбов, 1903. С. 72; Там же. Т. 19. Тамбов, 1905. С. 143.
- 20 Статистика землевладения. Вып. 20. Тамбовская губерния. СПб., 1906. С. 12 – 13.
- 21 Там же. С. 40.
- 22 Там же. С. 10 – 13, 40.
- 23 Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. I. СПб., 1896. С. 53.
- 24 Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. II. СПб., 1904. С. 18.
- 25 См.: Анфимов А.М. Указ. соч. С. 75; Он же. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 41; Он же. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 186, 187, 256.

- 26 См.: Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 80–81.
- 27 Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3289. Л. 97 об.
- 28 Статистические данные к оценке земель. Тамбовская губерния. Вып. 11. Тамбов, 1905. С. 79.
- 29 Материалы комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 гг. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний. Ч. 1. СПб., 1903. С. 16–17.
- 30 ГАТО. В. 51. Оп. 1. Д. 1837. Л. 74.
- 31 См.: Фролов С.А. Ипотека земли в Тамбовской губернии в 1884 – 1917 гг. (на примере деятельности Крестьянского и дворянского банков). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004. С. 14.
- 32 Отчет Крестьянского поземельного банка за 1887 г. СПб., С. 8–9; То же за 1890 г. СПб., 1891. С. 6–7, 27 – 33; То же за 1888 г. СПб., 1889. СПб., С. 2 – 5; То же за 1891 г. СПб., 1892. С. 18 – 24; То же за 1892 г. СПб., 1893. С. 6-7; ГАТО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 345. Л. 1 об.-1а.
- 33 Отчет Крестьянского поземельного банка за 1898 г. Приложение к отчету. СПб., 1899. С. 93; То же за 1896. СПб., 1898. С. 47–48; То же за 1897 г. Приложение к отчету. СПб., 1899. С. 10–11, 34–35; То же за 1899. Приложение к отчету. СПб., 1900. С. 90–91; То же за 1900. Приложение к отчету. СПб., 1901. С. 92–93.
- 34 Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. II. СПб., 1904. С. 37; То же. Вып. XII. СПб., 1905. С. 53; То же. Вып. XIV. СПб., 1907. С. 67; То же. Вып. XV. СПб., 1908. С. 61; То же. Вып. XVI. СПб., 1908. С. 63; То же. Вып. XIII. СПб., 1907. С. 73; То же. Вып. VII. СПб., 1905. С. 1905. С. 47.
- 35 Статистика мобилизации крестьянских сельскохозяйственных земель Европейской России. СПб., 1908. С. 118.
- 36 Статистика землевладения ... С. 37; Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XI. СПб., 1906. С. 47–48.